

О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ РАССКАЗОВ ШУКШИНА

М. И. Ильяш /г. Одесса/

Творчество Василия Шукшина - явление необычайное. Актер, режиссер, сценарист, писатель - многогранным талантом щедро одарила природа этого человека. Упомянутые стороны его творческой личности настолько тесно связаны, переплетены и взаимобусловлены, что выделить их, отделить друг от друга, чтобы исследовать, можно лишь с большой осторожностью и оговорками. А такой анализ крайне необходим, ибо нельзя постигнуть целое, не разобравшись в составных частях его. Шукшин принадлежит советскому киноискусству, советской литературе, и пришло время дать настоящую оценку содеянного им на этом поприще. Впереди - глубокие научные исследования его творческого наследия, монографии о его работе в кинематографии, в литературе. Цель данной статьи - рассмотреть некоторые явления языка и стиля рассказов Шукшина.

Рассказы Шукшина - это, по словам критики, малоформатный эпос; "в литературе В. Шукшин остается именно создателем малого эпоса - малого не по значению, а по размерам его коротких рассказов. Рассказы эти короткие /одна-две странички/, но иной из них стоит романа. И не потому, что на этих страницах судьба уместилась, жизнь прожита, но и оттого, что эпос Шукшина - это эпос внутреннего возвышения и обновления."¹

Источником творчества и вдохновляющим началом для Шукшина была жизнь - во всех ее проявлениях, драматических и трагикомических ситуациях, со всеми радостями и огорчениями, без украшений и грима, - такая, какая она есть. Его герои - люди с трудными судьбами, ищущие, мятущиеся, заблуждающиеся,

¹ И. Золотусский. Познание настоящего. - "Вопросы литературы", 1975, № 10, стр. 5-6.

готовые на все во имя торжества правды и справедливости; они могут поступать необдуманно, опрометчиво, даже вопреки закону и неписаным правилам, но искренне, честно, с открытым забралом. И в этом их сила и величие.

Под стать неприкрашенным героям, под стать трезвой, реальной действительности и язык рассказов Шукшина - правдивый, сильный, меткий, сочный, "живой как жизнь".

АВТОРСКАЯ РЕЧЬ. В речевой стихии рассказов Шукшина² можно выделить два потока - речь автора-рассказчика и речь персонажей. Многие рассказы характеризуются достоверностью, основаны на действительных фактах, свидетелем которых был автор и о которых он повествует, используя авторское "я"; таковы рассказы "Горе", "Дед Ермолай", "Рыжий", "Петя", "На кладбище", "Три грации" и другие. В большинстве же рассказов авторское "я" отсутствует, автор повествует, не "обнаруживая" себя. В том и другом случае авторское повествование представляет собой правильную литературную речь в ее устном варианте. Например:

"День стоял солнечный, ясный. Снег ослепительно блестел. В лесу тишина и нездешний покой. Ехать надо было далеко - верст двадцать: ближе рубить не разрешалось. ... Скоро, однако, любопытство прошло. И смешно тоже уже не было. Волки достигли дороги метрах в ста позади саней и, вытянувшись цепочкой, стали быстро нагонять. Иван крепко вцепился в передок саней и смотрел на волков." /"Волки"/

Стилистические оттенки повествования зависят, конечно, от темы и содержания рассказа, от целевой установки автора: то он сочувствует героям, сопричастен к их делам и помыслам /"Думы", "Обида", "Материнское сердце", "Степка", "На кладбище", "Одни", "Залетный", "Дед Ермолай"/, то рассказывает

² Нами анализируются рассказы, помещенные в "Избранных произведениях в двух томах", т. I. М., "Молодая гвардия", 1975.

о них со снисходительной улыбкой или легкой иронией /"Ноль - ноль целых", "Миль пардон, мадам!", "Чудик", "Микроскоп", "Привет Сивому!", "Алеша Бесконвойный"/, то использует сатиру, сарказм /"Срезал", "Петя", "Три грации", "Беседы при ясной луне"/. В связи с этим в авторском повествовании Шукшин использует лексико-фразеологические и синтаксические элементы разговорной речи.

"И вот далеко в переулке начинала звенеть гармонь. И поднималась в душе хворь. Но странная какая-то хворь - желанная. Без нее чего-то не хватает. Еще вспоминались какие-то утра... Идешь по траве босиком. Она вся бусая от росы. И только след остается - ядовито-зеленый. И роса обжигает ноги. Даже теперь зябко ногам, как вспомнишь..

... Матвей плохо спал. Просыпался, курил... Ходил в сени пить квас. Выходил на крыльцо, садился на приступку и курил. Светло было в деревне. И ужасно тихо."
/"Думы"/

В таких случаях автор как бы сливается с персонажем, смотрит на мир его глазами, думает и чувствует, как персонаж. Подобного рода повествование приближается уже к несобственно-прямой речи. Этой фигурой поэтического /стилистического/ синтаксиса очень часто пользуется Шукшин, поэтому позволим себе рассмотреть ее подробнее.

Несобственно-прямая речь формально представляет собой авторскую речь, по смыслу же ее нельзя считать ни целиком речью автора, ни целиком речью персонажа. Она двузначна, т.е. "открывает возможности одновременно проводить высказывание героя и отношение автора к этому высказыванию, причем тенденция автора выступает в скрытом, завуалированном виде."³

³ И. И. Ковтунова. Несобственно-прямая речь в современном русском языке. - "Русский язык в школе", 1953, № 2, стр. 18.

На несобственно-прямую речь в тексте указывают лексико-фразеологические, грамматические и экспрессивно-эмоциональные средства, не характерные для автора, но используемые в авторском повествовании. Несобственно-прямая речь может состоять из отдельных слов и выражений и может представлять собой целые предложения и даже абзацы. В первом случае преобладают интонации автора, во втором - интонации героя.

Несобственно-прямая речь щедро рассыпана по рассказам Шукшина. Например, рассказ "Алеша Бесконвойный" /13 страниц!/ весь пронизан несобственно-прямой речью: "чистый" голос автора уступает место рассуждениям Алеши, иногда-его односельчан.

"Его и звали-то не Алеша, он был Костя Валиков, но все в деревне звали его Алешей Бесконвойным. А звали его так вот за что: за редкую в наши дни безответственность, неуправляемость. Впрочем, безответственность его не простирались беспредельно: пять дней в неделе он был безотказный работник, больше того - старательный работник, умелый,... но наступала суббота, и тут все: Алеша выпрягался. Два дня он не работал в колхозе: субботу и воскресенье... Пробовали, конечно, повлиять на него, и не раз, но все без толку... Так и махнули на него рукой. А что сделаешь? Убеждай его, не убеждай - как об стенку горох. Хлопает глазами..."

Подчеркнутые во втором и третьем предложениях конструкции явно книжные, принадлежат автору, а три последних предложения - это уже "голос" односельчан.

А вот другой отрывок:

"Напевая негромко нечто неопределенное - без слов, голосом, Алеша слазил на потолок бани, выбрал там с жердочки веник поплотнее, потом насекал на дровосеке сосновых лап - поровней, без сучков, сложил кучкой в предбаннике. Так, это есть. Что еще? Фонарь!... Алеша нырнул опять под дым, вынес фонарь, поболтал - надо долить. Есть, но... чтоб уж потом ни о чем не думать, Алеша все напевал... Какой желанный покой на душе, господи! Ребятишки не болеют, ни с кем не ругался, даже денег займы взяли... Жизнь: когда же самое главное время ее? Может, когда воют?.. Как все же: надо жалеть свою

жизнь или нет? А вдруг да потом, в последний момент, как заорешь, что вовсе не так жил, не то делал? Или так не бывает? Помирают же другие - ничего: тихо, мирно. Ну, жалко, конечно, грустно: не так уж тут плохо..."

В подчеркнутой несобственно-прямой речи слышатся рассуждения Алеши, на что указывают характерные для его речи слова и словосочетания /"так, это есть", "вдруг да потом", "заорешь", "жалко"/, эмоционально-экспрессивные средства /риторические вопросы и восклицания, "господи", "ну" и т.п./.

А вот весь абзац - несобственно-прямая речь:

"Вот тут, на этих улицах, прошла жизнь. А давно ли?.. О господи! Ничего не понять. Давно ли еще была молодой. Вон там, недалеко, и теперь закоулочек сохранился: там Ванька Кандауров сказал ей, чтоб выходила за него... Еще бы раз все бы повторилось! Черт с ним, что угрюмый, он не виноват, такая жизнь была: работал мужик, не пил зряшно, не дрался - хороший. Квасов, тот побойчей был, зато попивал. Да нет, чего там? Ничего бы другого не надо бы. Еще бы разок все с самого начала..." /"Письмо"/

Местами несобственно-прямая речь переходит по сути во внутренний монолог героя, недостает лишь соответствующего пунктуационного оформления и замены личных форм глагола и личных местоимений /в последнем отрывке достаточно вместо "ей" употребить "мне"/.

Широко используется несобственно-прямая речь в рассказах "Думы", "Обида", "Упорный", "Осенью", "Беспалый", "Сураз", "Материнское сердце" и многих других.

РЕЧЬ ПЕРСОНАЖЕЙ. Ведущее место в рассказах Шукшина занимает не авторское повествование, а речь персонажей. В большинстве рассказов главной пружиной, движущей действие, является диалог. В авторской речи обычно дается экспозиция, выражаются дополнительные замечания, с ее помощью отдельные эпизоды соединяются в цельную картину. Основной же смысл и идея произведения заключены в диалогах, из них вырисовывается социальный и моральный облик героев, в них содержание достигает остроты и драматизма. В таких диалогах герои противостоят

друг другу.

"И оппонент у героя, как правило, умен, остер, хитер, ловок в споре, и взять его голыми руками не так просто... В этих молниеносно-кратких философских схватках и раскрывается герой Шукшина, и воплощается. Он именно разговором силен - заметьте, а не каким-нибудь богатырскими подвигами."⁴

/Подчеркнуто нами - М. И./

В диалогах обычно один из говорящих более активен, чем другой, один больше говорит, другой больше слушает, но в продолжение беседы они могут меняться ролями. У Шукшина немало рассказов, построенных на таких диалогах, реплики персонажей в них нередко превращаются в длинные повествования, например в рассказах "На кладбище", "Миль пардон, мадам!", "Беседы при ясной луне", "Горе" и других. В таких случаях между собеседниками нет спора, диалог лишен напряженности. И совсем иное дело, когда смысл рассказа заключается в столкновении мнений, мировоззрений собеседников. Тогда каждый из говорящих проявляет себя активно, диалог превращается в острую схватку двух противников. Это можно наблюдать в рассказах "Хозяин бани и огорода", "Космос, нервная система и шмат сала", "Непротивленец Макар Жеребцов", "Обида", "Привет Сивому!" и других. Диалог может быть стройным и законченным по содержанию, если он обдуман и преследует определенную цель хотя бы со стороны одного из собеседников, как например в рассказе "Срезал". Встречаются и "мирные" диалоги, в которых тоже раскрываются характеры персонажей. /Рассказы "Как помирал старик", "Петя" и др./

Поскольку диалоги у Шукшина приобретают такую большую идейно-смысловую нагрузку, репликам персонажей он уделяет исключительное внимание. Их речь, меткая, емкая, сочная, социально и индивидуально окрашенная, питается источниками живого, народного языка.

Герои Шукшина в основном "сельские жители", оттого в их речи много диалектных и просторечных элементов. В небольшой статье невозможно приводить многочисленные цитаты с теми или иными языково-стилистическими особенностями, поэтому мы позволим себе ограничиться выпиской из речи персонажей диалектной и просторечной лексики, хотя при этом лишаемся возможности почувствовать стилистическую роль таких элементов в контексте. Вот далеко не полный пе-

⁴ И. Золотусский, указ. статья, стр. 8.

речень лексических диалектизмов /Алтайского края и прилегающих к нему районов/, встречающихся в рассказах Шукшина: ЗАПОЛÓШНЫЙ /крикливый, беспокойный/, ЗАПОЛÓШНИЧАТЬ, ОГРАДА /двор/, ГЛЯНЕТСЯ /нравится/, РЯСНЫЙ /густой/, БУСАЯ /о росе, как бусы/, ОКЛЕМАТЬСЯ /выздороветь, окрепнуть/, РОБИТЬ /работать/, ЗАПЯТИТЬ /спрятать/, ЧАСОВАТЬ /жить последние часы, умирать/, ПОЧЁСТЬ /почти/, ГОДÓК /сверстник/, БЕСПРЕЧЬ /постоянно, без конца/, ПРОКУДА /ловкий, проницательный человек/, НАВÍЛЬНИК /вилы/, КОШЕНИНА /то, что скошено/, ПРИДУРКОВАТЫЙ /глуповатый, с придурью/, ВОРОТЧИКИ /ворота, калитка/, ШВЫРКНУТЬ /шмыгнуть носом/ и многие другие.

Встречаются диалектные и просторечные морфологические элементы, как-то: СТОНАЮТ, ЛЮБЮТ, ЛАЗИЮТ, ПЕКЧИ /печь/, СИЛÓВ нет, УБЕЖДЕНИЕВ, КОПЫТЬЯМИ, КУРЯМ, в КРОВЕ, ЦЫПЛЯТЫ, ОРУЖИЯ и ЖИВОТНАЯ /женский род вместо среднего/, ТЯ /вместо "тебя"/, у ЕЙ, с ИМИ, ПОШТО, СКОЛЬ и т.п., а также явления с фонетическими отклонениями от литературной нормы: ХОШЬ, РА́ЗИ /вместо "разве"/, ТАДА́, КАДА́, БА /вместо "бы"/, ДОЛЖÓН, ЧИЖАЛО, ШЕШНАДЦАТЬ, АПОСЛЯ́ /вместо "после"/, ИДЕ́ /вместо "где"/, ИШÓ, РАБЁНОЧЕК, НАДЕЖА /вместо "надежда"/, глагольное окончание -ССЯ /из - шься/, например ТОРО́ПИССЯ, и другие.

Эти диалектные и просторечные особенности неодинаково представлены в речи людей разного возраста. Так, их довольно много у представителей старшего поколения - стариков. Например:

" -- Вот гадаю, - продолжал дед Нечай, - куда приткнуться? Прям хошь петлю накидывай. А это вчера́шней ночью здремнул маленько, вижу: ты вроде идешь по ограде, яички в сите несеешь. Я пригляделся, а это не яички, а цыплята живые, маленькие ишо. И ты вроде начала их по одному исть. Ешь да ишо прихваливаешь..." /"Горе"/

Другой пример:

"Она: "Мамаша, кто же так оладьи пекет?" - "Как кто? - говорю. - Все так пекут. А чего не так-то?" Дак она набралась совести и давай меня учить, как оладушки пекчи. Ты, говорит, масла побольше в сковородку-то, масла. Да сколько же тебе, матушка, тада масла-то надо? Полкило на день?"

/"На кладбище"/

В речи людей среднего и тем более младшего поколений диалектных слов встречается меньше, хотя просторечные явления довольно распространены. Обращает на себя внимание лексика и фразеология, отражающая социальные сдвиги, происшедшие в деревне за годы советской власти. Характерным в этом плане является рассказ "Постскриптум", представляющий собой письмо деревенского жителя /кстати, обывателя/, который оказался в Ленинграде. Пишет он так, как думает, как говорит. Наряду с разговорно-бытовыми словами /хворь, заартачиться, увиваться, дребедень, шкелет, баба, лускать, смахивать, здорово, проесться и др./, автор письма использует и такие слова и выражения, как: люкс /номер в гостинице/, жалюзи, туалет, вестибюль, сувенир, постскриптум, к месту следования, принцип работы, входить в стоимость номера, колоссальное движение, проявлять вежливость, делать оргвыводы, сидеть по политической статье /в тюрьме/, обращают на себя внимание /о предметах/, многочисленные столовые и кафе, посещение драмтеатра, памятники архитектуры, и многие другие. Интересно сравнить это письмо с письмом матери-старушки /рассказ "Письмо"/. Она тоже пишет так, как говорит, с большим количеством диалектных и просторечных слов и выражений: када, поврозь, чижало, маленько, ослобони, давеча, ихный, шибко, внучатычки ненаглядны, глазыньки проглядела, у отца с матерей и т.п. Более новые слова и выражения отсутствуют в ее лексиконе.

А вот представитель совсем молодого поколения - восьмиклассник Юрка /рассказ "Космос, нервная система и шмат сала"/. Он тянется к знаниям, несмотря на материальные трудности, резко осуждает жизнь старика Наума Евстигнееча, невежды, пьянчужки и сквернословия. Они находятся на полярных идейных позициях, и это проявляется в их бесконечных беседах. Если речь старика изобилует просторечными и бранными словами, то речь Юрки наполнена книжными словами и выражениями, как-то: астрономия, атмосфера, формула, радиоволны, видеоприемник, крепостное право, отравление организма, освоение космоса, человекоподобные существа, космический корабль, соседи по Галактике, настроиться на определенную волну, нервная система, выработать условный рефлекс, время икс, располагать данными, медленный процесс, кулацкий уклон, в таком возрасте и т.п. Такие слова совсем не употребляет Наум Евстигнееч, а многие из них ему вовсе непонятны. Преклоняясь перед силой знаний и упорством Юрки,

старик бесплатно угощает его салом.

Шукшин - тонкий знаток народно-разговорной речи, ее синтаксической структуры в монологической и диалогической формах. Проф. А. Б. Шапиро указывает на основные признаки синтаксиса народно-разговорной речи:

"... очень большое количество предложений неполных, значительное преобладание паратаксиса над гипотаксисом, а также ряд других особенностей, как-то: дословное или видоизмененное повторение сказанного предложения или его части; преимущественное пользование формами прямой речи сравнительно с формами речи косвенной; смешение конструкций прямой и косвенной речи и вообще переход от одной синтаксической структуры к другой внутри одного предложения; частые вставки в середину предложения каких-либо замечаний, дополнений, пояснений в виде самостоятельных предложений, разрывающих ткань основного предложения; обилие вводных слов и вводных предложений; чрезвычайное распространение частиц с разнообразными значениями."⁵

Все эти особенности можно обнаружить в рассказах Шукшина.

Вот старуха пишет письмо дочери, у которой угрюмый муж:

"Любая животная любит ласку, а человек тем более. Ты, скажи, сам угрюмый ходишь, и, на тебя глядя, сын тоже станет задумыватца. Они, маленькие-то, все на отца глядят: как отец, так и они - походить стараютца. Да я и буду, скажи, с вами, с такими-то... Мне, мол, что, самой с собой, тада остаецца разговаривать? Да что уж это за мысли такие! - день-деньской думать и думать... Ты скажи, ослобони маленько голову-то для семьи... Я, скажи, не кривая, не горбатая - сидеть-то возле тебя. Я, мол, вон счас приоденусь да на

⁵ А. Б. Шапиро. Строение предложения в русских народных говорах. Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, вып. I. 1948, стр. 166-167.

танцы завьюсь, будешь знать. Да сударчика себе найду. Скажи, скажи ему так, скажи. А полезет с кулаками, ты - в милицию: ему сразу прижмут хвост. Это ничего, что он сам в милиции, ему тоже прижмут. С имя нынче не чикаютца, это не старое время. Это раньше, бывало... Тьфу! И писать-то про то неохота!" /"Письмо"/

В этом отрывке-монологе можно найти многие из перечисленных выше особенностей народно-разговорного синтаксиса: и неполные предложения /"Да я и буду, скажи, с вами, с такими-то", "Это раньше, бывало"/, и преимущественное употребление паратактических конструкций, и повторение слов и частей предложения /"скажи", "ему сразу прижмут хвост...; ему тожу прижмут"/, и смешение форм прямой и косвенной речи, и употребление вводных слов и частиц /"мол", "бывало", "да", "-то"/, и т.д. Подобного рода структуры имеют место во всех рассказах, где есть монологическая речь или длинные реплики /"Раскас", "Горе", "На кладбище", "Миль пардон, мадам!", "Срезал" и др./

ПРИЕМЫ КОМИЧЕСКОГО. Большинство рассказов Шукшина пронизаны юмором, легкой иронией, сарказмом. Доверчиво и с сочувствием мы смеемся, читая рассказы "Сельские жители", "Одни", "Микроскоп", "Чудик", "Алеша Бесконвойный", "Письмо", "Раскас"; снисходительную или ироническую улыбку вызывают у нас герои рассказов "Миль пардон, мадам!", "Привет Сивому!", "Вянет, припадает", "Непротивленец Макар Жеребцов"; резко отрицательно относимся мы к персонажам рассказов "Петя", "Три грации", "Срезал", "Хозяин бани и огорода", "Беседы при ясной луне" и других. Той или иной реакции читателя на описываемое автор достигает не только поведением героев, их взаимоотношениями, ситуацией, но и специфическим отбором языково-стилистических средств и приемов.

Один из приемов создания комического эффекта - сочетание разностильных слов /в общем-то давно известный в художественной литературе прием/. Это вызывает улыбку читателя, настраивает его на "шутливый лад". Так, например, невежественный Наум Евстигнец, злоупотребляющий спиртным, спрашивает у Юрки об учителях:

" -- А они, случайно, не знают, отчего человек с похмелья хворает?" - "Отравление организма: сивушное масло." - "Где масло? В водке?" - "Но." - Евстигнеичу хоть тошно, но он невольно усмехается: "Доучились." - "Хочешь я тебе формулу

покажу? Сейчас я тебе наглядно докажу..."

/"Космос, нервная система и шмат сала"/

Шурка /из рассказа "Сельские жители"/ просит в письме дядю Пашу убедить бабу Меланью лететь в гости на самолете:

"Так вот вы ей и скажите: как же это так, мама, сын у вас сам летчик, Герой Советского Союза, много раз награжденный, а вы боитесь летать на каком-то несчастном гражданском самолете! В то время, когда мы уже преодолели звуковой барьер."

В рассказе "Миль пардон, мадам!" Бронька Пупков вдохновенно рассказывает, как генерал разведки давал ему поручение:

"Партия и правительство поручают вам, товарищ Пупков, очень ответственное задание. Сюда, на передовую, приехал инкогнито Гитлер. У нас есть шанс хлопнуть его. Мы, говорит, взяли одного гада, который был послан к нам со специальным заданием. Задание-то он выполнил, но сам влопался. А должен был здесь перейти линию фронта и вручить очень важные документы самому Гитлеру. Лично. А Гитлер и вся его шантрапа знают того человека в лицо."

Здесь рядом с книжными выражениями "партия и правительство", "поручать ответственное задание", "инкогнито", "послать со специальным заданием", "вручить важные документы" употребляются просторечные и бранные слова: "есть шанс хлопнуть", "гад", "влопаться", "шантрапа".

Жена ругает Броньку за вранье: "Ведь тебя, дурака беспалого, засудят когда-нибудь! За искажение истории..." Муж отвечает: "Не имеют права: это не печатная работа. Понятно? Дай пожрать." А когда жена не унимается, Бронька веско добавляет: "Миль пардон, мадам... Счас ведь врежу!..." Здесь вежливая форма обращения к женщине /по-иному, впрочем, звучащая в устах Пупкова/ сочетается с вульгаризмом "врежу" /т.е. ударю/.

Обиженный уходом жены шофер Иван Петин пишет:

"Мы государству пользу приносим вот этими руками, которыми я счас пишу, а при встрече могу этими же самыми руками так засветить промеж глаз, что кое-кто с неделю хворать будет... И я давно бы уж был ударником коммунистического труда, но у меня есть одна слабость: как выпью, так начинаю материть всех... А за рулем меня никто ни разу выпимши не видал и никогда не увидит." /"Раскас"/

Комический эффект возникает также при искажении значения или формы иноязычного слова. Санька Журавлев /рассказ "Версия"/ хвастается перед односельчанами, как он, будучи в городе, трое суток блаженствовал с пышнотелой заведующей рестораном в ее трехкомнатной квартире. Все это, по мнению дружка Егорки, "версия", т.е. вранье. Шурка пишет дяде Паше: "А еще дядя Егор сказал, например, что пассажирам не даются парашюты. Это уже шантаж. Но бабонька верит." /"Сельские жители"/. Здесь слово "шантаж" тоже употреблено в значении "неправда, ложь". Старушка из рассказа "На кладбище" осуждает некоторых современных женщин: "Вертихвостки вы, а не образованные... Прокламации! Только подолом трясти умеют." Ей кажется, что слово "прокламация" выражает резко отрицательное, бранное значение.

В устах героев /старшего поколения/ иногда употребляются заимствованные слова в искаженной форме: ироплан, автомобиль, портвейный, лаборанка, шифонер, жалюзей и другие.

Авторской речи Шукшина присущи ирония и сарказм. О парне, который устроил "пьяный дебош", читаем: "Попало и Витьке: кто-то сзади тяпнул бутылкой по голове, но вскользь - Витька устоял. Оскорбленная душа его возликовала и обрела устойчивый покой." /"Материнское сердце"/. Вот портрет самодовольного мецанина Пети: "маленький, толстенький, грудь колесом, уши топориком, нижняя челюсть вперед", у него "загривок" /не затылок!/, "пузцо... этакая аккуратная мозоль"; он "демонстративно свесил пузцо с ремня - пусть все видят, что человек живет в довольстве." /"Петя"/. Или вот, например, описание одной из "трех граций" /название-то какое!/, трех сплетниц и завистниц, каждое утро собирающихся во дворе, на скамейке:

"Вон идет Рыжая. Лапочка моя! Ой-ой - в новом свитере!.. А походка!.. Вся движение, порыв. Наполеон на Аркольском мосту. Глаза горят. Наверно, какой-нибудь из ее начальников полетел за аморалку. Или кто-нибудь где-нибудь отступил. Она утопичка: ей кажется, что никто никогда не должен уступать. Ммх, лапочка!.." /"Три грации"/

В описании этих "граций", в передаче их разговора Шукшин достигает предельного сарказма.

Поистине необычайно богата всевозможными цветами и их оттенками

языково-стилистическая палитра писателя Василия Шукшина. Можно с уверенностью сказать, имея в виду литературное творчество Шукшина, что исследователям - литературоведам и языковедам-стилистам - есть чем заняться, а молодым, начинающим писателям есть чему поучиться.